

«ОБРАЗ ПАДШЕГО АНГЕЛА И ЕГО РОЛЬ В ИСКУССТВЕ»**Лазарева Ольга Юрьевна**

студент Российской международной академии туризма, Псковский филиал, РФ, г. Псков

Дудченко Людмила Юганесовна

научный руководитель, канд. филол. наук, зав кафедрой гуманитарных наук, РФ, г. Псков

«Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

В предыдущей работе «Взаимосвязь изображения ангела в разных культурах» мы установили, что в основе формирования всех без исключения культур лежит представление о том, что за неживым стоит живое, незримо руководящее человечеством. За счет обращения к сверхъестественной множественности объяснения мира древний человек укрепляет мораль, предлагает определенные правила поведения, а также оправдывает быт и внутренние устои общества, описывая предметы в зависимости от того, какую их сторону необходимо раскрыть в каждом конкретном случае.

В процессе диффузии культур, активного заимствования образов, трансформации смысла и функций символов, общество нередко теряло первоисточник, навсегда забывая истинный смысл изображения. Огромное количество мифических существ, живущих в фольклоре различных народов мира, являются тетроморфами, результатом сочетания нескольких описаний, схожих по смыслу, подходящих для данного общества на определенном этапе развития.

Что заставляет человека придумывать столь неординарные образы?

Страх. Неподдельный страх перед загадками вселенной вынуждает древнего человека искать иные, не научные объяснения. Это, одно из наиболее мощных мироощущений, толкает человека совершать действия, направленные на собственное спасение. Не от того ли у любого народа мира можно насчитать десятки, а то и сотни существ, несущих кару грешникам и богохульникам? Именно страх толкает людей верить в Высший суд, в Судью, в Указующий перст, который записывает и следит за каждым, чтобы взыскать за проступки.

Как аргументировать события, объяснить которые не может даже сам источник действия — человек? Всем известны выражения «бес попутал», «черт его знает», «седина в бороду, бес в ребро». Человек по слабости своей нуждается в оправдании поступков, олицетворением которых и становится тот самый «бес», который «попутал».

В человеческой сущности ярко выражена дуальность мира: «плохой»-«хороший», «злой»-«добрый», «черный» и «белый». Ангелы и демоны самые известные антиподы.

Говоря об образе ангела, мы установили, что крылатый символ проделал тернистый путь, сменив немало обличей, примерив на себя множество смыслов и атрибутов, укоренившись тем самым в умах людей как светоносный посланник, незримый защитник и покровитель, идеал, к которому стоит стремиться.

Если на одну чашу весов ставить небесное воинство, то необходим противовес, для

поддержания равновесия. Соответственно, целью данной статьи является поиск ответов на вопрос: какой путь проделали падшие ангелы, какую нишу они заняли и какие изменения претерпели, меняясь параллельно с ангелами? Дуальность понятия мира не могла редактировать одних, оставляя без изменений других.

Что мы знаем о падших ангелах? Само название уже открывает суть их истории — сотворенные Богом, они отпали от Отца, утратив благодать. Изменились не только сущность, функции, но и имена. Так ангелы обратились в демонов, бесов, чертей, а их предводитель превратился в Люцифера, Денницу, Сатану, Дьявола, хотя первоначальным ангельским именем было Сатаниил или Самаэль. Любопытно, но согласно апокрифам [\[1\]](#), помимо девяти ангельских чинов, описанных в трактате «О небесной иерархии» [7], существовал и десятый чин, возглавлял который архангел Сатаниил. Стоит отметить явное несоответствие в чинах, ведь св. пророк Изеииль называет Самаэля херувимом, а в «Божественной комедии» Данте Сатана изображен с шестью крыльями, что исключает Люцифера из чина архангела.

Что касается отдельного десятого чина, хочется обратить внимание на цитату из Откровения, в которой говорится, что хвост дракона увлек на землю третью часть ангелов (Откр. 12.4). Вопрос: третью часть — треть всего числа, или третью часть — третью ступень в ангельской иерархии? Дело в том, что бытует крайне любопытное мнение, будто бы пали вполне определенные чины. Приверженцы этой идеи ссылаются на слова апостола Павла, а именно на послание к Римлянам 8:38—39, в котором сказано:

«Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от молитвы Божьей во Христе Иисусе, Господе нашем» [11].

Тезис построен на противопоставлении (вернемся на секунду к идее дуальности мира), именно здесь скрупулезные умы увидели контраст между Ангелами, которые в любом случае не противостоят молитве человека Творцу и чинами Начал, коих тут же записали в раздел падших. Если говорить об упомянутых Силах, возможно, их ассоциируют с силой Сатаны. Подобные идеи встречаются редко, но выглядят достаточно любопытно на фоне традиционной подачи изгнания мятежных духов. Больше того, масла в огонь дотошных читателей подливает обращение апостола Павла к Ефесянам, в котором сказано:

«Облекитесь во все оружие Божие, чтобы вам можно было встать против козней диявольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» [6].

Возможно, упомянутые в цитате начальства и власти, могут иметь прямой смысл, а именно власть и начальство, как руководителей общества. Вспомним, что в образе дракона из Откровения присутствуют десять рогов, которые отождествляют с десятью «царями», которые будут править под рукой антихриста.

В целом, информация о падении ангелов, о сущности обоих видов крайне скупа, ведь эта часть мироздания не нужна человеку для спасения. Хотя мы не спешим соглашаться с этим, ведь поняв первоисточник, его суть и функции, представление «кнута и пряника» станет достаточно полным, чтобы понимать, к чему стремиться и кого бояться.

Именно противопоставление демонов ангелам закрепляет образ падших духов в совсем неприглядном свете. Они отождествляются со злом. Тогда возникает вопрос — что есть зло? Интересное определение дает В.Н. Лосский «Зло — это состояние, в котором пребывает природа личностных существ» [2]. Стоит сделать акцент на «состояние» и «существ». Вспоминаем призыв в конце молитвы «Отче Наш» к избавлению от лукавого. Молитва конкретизирует, от кого именно мы просим спасения. Следовательно, пресловутый «лукавый» на самом деле существует.

Итак, опираясь на множество людских страхов, большинство которых берет начало в тетраморфных описаниях, будь то крылатые быки или семиголовые драконы, люди создают образы, призванные передать смысл, а также впечатлить мнительную аудиторию. Вопрос передачи без Образного существа посредством примитивных описательных форм оказался

таким же занимательным, как и путь создания образа ангела.

Первым результатом домыслов стал змей, искусивший Еву, представленный многими художниками в излюбленном сюжете «Грехопадение». Обратимся к змею. Несомненно, что это первое проявление греха, первое зло, а значит, первый демон. Правда... нигде не сказано, что это был именно Сатана. Многие богословы причисляют грехопадение Дьяволу так как змей рептилия, к которым формально можно отнести и дракона, и левиафана, в образах которых нередко выступает бесовский князь. В Ис. 27:1 видим: «В тот день поразит Господь мечом своим тяжелым, и большим, и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское». Подобное отождествление пришло позже, как следствие возможных причинно-следственных связей, якобы возгордившийся херувим настолько возненавидел человека, что пришел искусить его лично, но доказательств как не было, так и нет. Из писаний известно, что змей мог говорить. Этот факт дал повод очеловечить образ искушителя. Наиболее известные работы, такие как «Грехопадение Адама и Евы» Микеланджело на фрагменте росписи Сикстинской капеллы, «Грехопадение» Рафаэля и работа Гюго Ван дер Гуса имеют вполне сходный образ. В картине Тициана змей-искушитель имеет голову, поразительно напоминающую редуцированное изображение ангела — “putti”. Но только ли способность к речи послужила причиной создания подобного образа?

Змея, как символ, имеет длинную историю. А ее олицетворение с всевозможными способностями, которые, несомненно, пугали, завораживали и восхищали древнего человека, не могли не закрепиться в культуре многих народов мира. Древний Египет давно известен художникам, как источник поразительных образов, содержащий удивительный симбиоз человеческого начала с животной символикой. Так, многие божества нередко имели образ змеи. Например, Меритсегер, покровительница строителей гробниц и кладбищ, часто изображалась в виде женщины с головой змеи. Нехебкау — бог времени и плодородия, также имел образ змеи. Однако самой известной рептилией Древнего Египта остается грозный Апоп, призванный противостоять Ра. Из этих примеров следует, что образ змея искушителя может иметь абсолютно разные корни, ведь помимо Египта существуют другие очаги культур, где змеи и люди объединяются в единое создание. Индийская и буддийская мифологии хранят в себе существ под названием «наги». Змееподобные полубожества, как правило, имеют голову человека. Любопытно, что в буддизме есть легенды о том, что до того как стать Буддой, мудрец Шакьямуни неоднократно перерождался в образе нага. При этом сами полубожественные рептилии выступают как хранители некоего знания, которое они передают мудрецу в тот момент, когда люди созревают для его восприятия.

При столь большом выборе первоисточников мы склонны отдать первое место древнегреческой Ехидне. Существо с телом змеи и головой женщины в мифах является матерью других тетроморфов, таких как Сфинкс или Цербер, охраняющий врата в загробный мир.

Помимо змея художники изображали и других монстров, символика которых удивительно иносказательна. Трактовать любую деталь можно до бесконечности, выстраивая одну за другой сложные логические цепочки. Образ дракона, в котором предстает Сатана, разобран богословами до мельчайших подробностей, поэтому мы не станем описывать их, а только отметим, что древний дракон имеет несколько возможных первоисточников. В индуизме и ведийской религиях есть царь всех нагов, многоголовый змей Шеша или ананта-Шеша. Его тело полностью духовно, но имеет вполне устоявшуюся форму изображения, которую сложно спутать с кем-либо другим. Шеша дуален, первая его сущность, подчиняющаяся ему, опора Вишну, а вторая призвана нести хаос, разрушать космос.

Еще одна занимательная параллель видится нам в древнегреческих мифах. Пифон, дракон Геры, посланный преследовать возлюбленную Зевса, которая, нося под сердцем плод любви, скрывалась до тех пор, пока не родила Апполона. В начале сюжета видится схожесть с моментами из «Апокалипсиса» (преследование жены, облаченной в солнце драконом), но далее миф меняет нить параллелей. Юный бог поверг дракона, в память о тех страданиях, которые пришлось пережить его матери. Греческий миф, суть которого победа божества над чудовищем, возможный вариант индоевропейского мифа о герое-змееборце, таком как Георгий Победоносец. Здесь же стоит еще раз упомянуть Ра, как солнечного бога, побеждающего гигантского змея.

Что касается левиафана, он сам по себе является самостоятельным, устоявшимся символом, который часто изображается вместе с бегемотом. Например, иллюстрация Уильяма Блейка к книге Иова «Бегемот и Левиафан».

Теперь хочется отдельно рассмотреть «рядовых» падших ангелов. Большинство людей уже давно не представляет их без рогов, копыт, хвоста, трезубца и других атрибутов, накопившихся в фольклоре. Все эти гротескные формы созданы искусственно, ведь если обратить внимание на иконопись, изначально падшие изображались, как и ангел, подобным человеку, но с явными контрастными отличиями. Ангелы и демоны противопоставлены друг другу, от этого одни пишутся светлыми тонами, а другие темными. Бесов всегда изображают куда более меньшими, чем ангелов или людей, символизируя их бессилие. Они, как подметил Иоанн Дамаскин «не имеют ни власти, ни силы в отношении к чему-либо, если не получают позволения от Бога для осуществлений целей Его Домостроительства» [3]. Иконописные образы демонов хорошо просматриваются в изображениях «Падение Денницы» и «Лестница Иакова», а также очень любопытен по исполнению, композиции и смыслу сюжет «Страшный Суд».

Так откуда берутся рога и копыта, козлиная борода и пороссячий пяточок? Обратимся к Евангелию от Матфея:

«И соберутся перед Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»... Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный Дьяволу и ангелам его...» [4].

Сравнение грешников с козлами, на наш взгляд, дает плодотворную почву для создания образа парнокопытного существа, однако, есть и другой вариант развития событий. Некоторые ученые утверждают, якобы копыта являются отголоском Рима, когда дух природы Пан изображался как получеловек-полукозел. Кстати, здесь же хочется вспомнить о сатирах и фавнах, которые имеют сходные черты в изображении.

Если говорить о пороссячем пяточке, то это скорее вытекающее последствие представлений о нечистой силе. Возможно, это отголосок изгнания легиона из бесноватого в стадо свиней, которое позже прыгнуло в море. Но логичнее предположить, что обилие синонимов, использующихся при описании падших ангелов и несущих смысл — грязный, нечистый, — перетекло в частичное заимствование образа свиньи.

Взрыв оккультизма и описание магических ритуалов стало плодородной почвой для создания причудливых форм. Если иконопись передает лишь идейную составляющую, то светские художники облачают образы в плоть, изображая падших ангелов во всей красе жутких сочетаний гротескных качеств. Красочные эпитеты, метафоры и другие литературные приемы, которые могли подчеркивать грозный вид мятежных духов, вылились в конкретные формы. К примеру, в работах Иеронима Босха можно увидеть совсем неожиданные изображения, отличные от работ других художников. Каждая культура в определенный виток своего развития составляла свой портрет демона, он, как правило, продолжал обрастать вариациями описаний, дробиться на виды и классы, подобно ангельской иерархии. Позже, выявить кого из мифических существ можно назвать падшим ангелом, а кто просто порождение фольклора стало крайне затруднительно. Так, например, славяне не редко полагали, что такие духи как лешие, болотные, кикиморы и прочие, являются падшими ангелами, которые трансформировались в конкретное создание в зависимости от места своего падения.

Общество, развиваясь, не могло не моделировать идейное содержание столь сильных образов, как ангелы и демоны. Позже падшие ангелы из предателей выродились в романтические образы изгоев, нуждающихся в сострадании. Серия работ Михаила Врубеля посвящена печальному демону, образ которого навеян художнику поэмой Михаила Лермонтова. Сам художник писал: «демон — дух не столько злобный, сколь страдающий и скорбный» [12]. Искусство постепенно стало наделять демонов совсем другими качествами, мысль о том, что кроме злого умысла присутствуют и другие причины их существования, с успехом

развивалась среди людей. Оказалось, что бесы выполняют волю Господа, имеют свою нишу и обязанности, как ангелы, а не только ярое желание уничтожить душу человека. Страх перед неизвестной силой начал сменяться размышлением о судьбе демонического существа. Сострадание, жалость, сочувствие поселились в сердцах читателей. «Демон сидящий» задумчивый и скорбный... Он не страшен, а лишь бесконечно обречен, как и все, кто лишился благодати. Вскоре в искусстве родился новый образ падшего духа, а именно существа, которое боролось за свои интересы, но осталось наедине со своей участью. Многие деятели искусства выражали в такие минуты отчаянное желание людей быть свободными, порой, между строк сравнивая себя самих, вынужденных подчиниться могущественной руке.

Иной раз богословы утверждают, что человек сотворен Богом, дабы восполнить треть воинства, отпавшую от него. Якобы ангелы и демоны уже закрепились в своем решении, а человек, пусть и согрешивший, но еще имеющий право на искупление, волен сделать свой собственный выбор за сравнительно небольшой отрезок времени — жизнь. Он может обратиться к Богу, видеть как цель саморазвития образ ангела, или пасть, выбрав демоническую участь. Не редки сюжеты, в которых души грешников терпят лишение от бесов, которые призваны в качестве мучителей, наказывающих неверных. Как часто встречаются картины, на которых бесы варят в котлах кричащие о помощи души, или стегают их плетьюми, бьют трезубцами, а может быть, просто тащат душу в непроглядный мрак? Об одном забывают авторы таких работ — о том, что падшие ангелы сами приговорены к вечным мукам, без надежды на прощение, которое еще может спасти человека. Понимание этого процесса толкнуло множество поэтов, художников и философов на лиричный образ демона. Оно обратило его из преступника, богоотступника и горделивого сына, в вечно страдающее создание, без права на прощение, боль которого выливается в ярость, а так же нелюбовь и презрение к существу, не утратившего шанса быть прощенным.

Подводя итог, следует отметить, что падший ангел имеет длинную эволюцию образа, как и оставшиеся верными Богу духи. Противостояние понятий добра и зла вынуждает художников, богословов, создавать контраст, чтобы показать разницу между ангелами и демонами. Их изображения полны символизма, направленного на передачу морального облика греха, соблазна, как своеобразной демонстрации, предупреждающей о последствиях человеческих поступков. Взаимопроникновение культур, наслоение устоявшихся форм и понятий на новые, более необходимые в динамично развивающемся обществе, создают интересные сочетания в живописных образах. Начало восприятия демона началось с бескрылого человека, отягощенного ношей зла, и перешло во множество метаморфозных чудовищ, устрашающих зрителя.

Список литературы:

1. Брянчанинов И. «Приношение святому монашеству». г. Москва. Изд-во Правило веры 2009 г.
2. Давыденков О. иерей. Катехизис. Введение в догматическое богословие. Курс лекций.
3. Дамаскин И. Точное изложение православной веры. — Москва, 1992 г.
4. Евангелие от Матфея г. 25 С. 32—34.
5. Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. —Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. — М.: Филолог. ф-т МГУ, 1997. — 245 с.
6. Обращение апостола Павла к Ефесянам 6:11—12.
7. О небесной иерархии. / Пер. М.Г. Ермаковой. СПб., Глагол — Изд-во РХГИ — Университетская книга. 1997.
8. Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. — М.: «Советская энциклопедия», 1980. — Т. 1. — 672 с.
9. Православие. Полная энциклопедия. — СПб.: ИГ «Весь», 2007. — 448 с.
10. Полный православный богословский энциклопедический словарь в 2 т. — Концерн «Возрождение», 1992. — Усл. печ. л. 39.
11. Послание к римлянам 8:38—39.
12. Рыжков К.В. 100 великих россиян. Москва. Вече, — 2000 г.

[\[1\]](#) Апокриф – позднеиудейские и раннехристианские произведения, не вошедшие в библейский канон.